

2. Путин В. В. Новые стандарты образования будут приниматься после серьезного анализа. – Киров. – 3 февраля 2011. – [Электронный ресурс]. – URL: www.interfacs.ru
3. Майер Б. О. О «постмодернизме» реформы отечественного образования // Философия образования. – 2009. – № 1 (26). – С. 35–43.
4. Майер Б. О., Наливайко Н. В. Об онтологии качества образования в обществе знания // Философия образования. – 2008. – № 3 (24). – С. 4–18.
5. Панарин А. Искушение глобализмом. – М. : Алгоритм, 2003. – 415 с.
6. Панарин А. Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М. : Алгоритм, 2004. – 636 с.
7. Третий россиянин верят, что Солнце вращается вокруг Земли. – [Электронный ресурс]. – URL: www.rbc.ru
8. Ушакова Е. В., Наливайко Н. В. Философский анализ системы образования в трансформирующихся обществах // Философия образования. – 2009. – № 1 (26). – С. 25–35.
9. Литвинова А. Эксперты раскритиковали стратегию инновационного развития России до 2020 года. – [Электронный ресурс]. – URL: www.rbc.ru
10. Эксперты: Россия утратила статус великой научной державы. – [Электронный ресурс]. – URL: www.rbc.ru

УДК 13 + 37.0 + 316.7

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАНАЛА ОБРАЗОВАНИЯ В КУЛЬТУРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Т. А. Арташкина (Владивосток)

В статье рассматривается принцип функционирования канала образования в культуре информационного общества, которое основано на взаимодействии трех социальных куматойдов: образования, массовой культуры и науки. Такое взаимодействие осуществляется на основе обмена элементами, к которым относятся: сам человек (учащийся, если речь идет о куматойде образования), информация, носитель информации, передатчик (преобразователь) информации. Социальные эстафеты, связующие эти элементы, действуют в ситуациях выбора, содержащих условия неопределенности. Поэтому деятельность по оценке степени доверия к информации носит инвариантный характер. При этом особую значимость в современных условиях приобретает принцип фундаментализации образования.

Ключевые слова: культура, канал образования, социальный куматойд, массовая культура, научная рациональность, информация, повседневное сознание, элитарное сознание, обмен элементами, принцип фундаментализации образования.

Арташкина Тамара Андреевна – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии Института истории, философии и культуры Дальневосточного государственного университета.

690091, г. Владивосток, Океанский проспект, д. 39.

E-mail: tam.artand@gmail.com

THE FUNCTIONING OF THE EDUCATION CHANNEL IN THE CULTURE OF THE INFORMATION SOCIETY

T. A. Artashkina (Vladivostok)

The functioning of the education channel in the culture of the information society is based on three social "kumatoids" (wave-like objects): education, mass culture and science. This interaction is performed on the basis of exchange between the following elements: the person (the learner, if we are talking about the kumatoid of education), information, the carrier of information, the transmitter (transformer) of information. The social relays connecting these elements act in the situations of choice containing the conditions of uncertainty. Therefore, the activity to estimate the level of trustworthiness of information has invariant character. Thus, under modern conditions the principle of fundamentalization of education becomes particularly important.

Key words: *culture, education channel, social kumatoid, mass culture, scientific rationality, information, common conscience, elite conscience, exchange of elements, principle of fundamentalization of education.*

Культура всегда была и остается основным средством социализации личности. Педагогическая деятельность организует внутри культуры специализированный канал, работа которого будет эффективной только при условии, что его строение адекватно строению культуры и логике организации ее материала. Если строение канала образования и способ его действия не будут соответствовать требованиям его содержания, то культурное содержание не сможет качественно пройти через этот канал.

Основные принципы строения канала образования сформировались в эпоху Просвещения и соответствуют принципам организации культуры в культуре Нового времени. Как отмечает В. А. Конев, основными принципами просвещенческой системы образования следует считать: сциентизм (ориентация на науку), дифференциацию знания в преподавании, ступенчатость подготовки, монологизм и авторитарность преподавателя, утилитарность (образование для...) [4]. До тех пор, пока сохранялась культура той эпохи, система образования хорошо справлялась со своей задачей – образовывать знающего и готового к функционированию в рационально организованном обществе индивида. Изъяны образования были видны многим педагогам, и с особой силой они стали проявляться в XX столетии.

Проблема образования сегодня является довольно острой не только для России, но и для всего человечества, которое стоит на пороге технологического взрыва. Ожидается, что этот взрыв внесет значительные изменения в общение людей и соответственно повлияет в целом на образ жизни многих народов. Общество, отличающееся сложными и противоречивыми процессами формирования новых общественных отношений, нуждается в системе образования, соответствующей требованиям сегодняшнего времени. Между тем проводимая модернизация образования не технологична, сопровождается довольно серьезными условиями неопределенности, порождает очередные вопросы и проблемы, не всегда решив старые. Такое положение детерминировано тем, что канал образования трансфор-

мируется, а его способ взаимодействия с изменившейся культурой и архитектурой остаются прежними.

Кризис в образовании выступает в разных формах. Так, в духовной сфере кризис проявляется как потеря ценностной ориентации, приводящей к разрыву образования и культуры, что говорит о нарушении механизма трансляции духовных ценностей. И даже восстановление общечеловеческих ценностей в качестве приоритетных, не потерявших актуальность и поныне, проблему не ликвидирует, так как эти ценности формировались исторически, отражают прошлый путь развития цивилизации, и их структура не предусматривает ценностей информационного и постиндустриального общества.

Кризис компетентности современных людей и специалистов, превратившийся в одну из главных угроз для современного человечества, приводит к неспособности человека справляться с изменениями в окружающем его мире, зависящем от темпов этих изменений. Способы модернизации системы образования направлены в этом случае, прежде всего, на улучшение профессиональной подготовки будущих специалистов и слабо связаны с соответствующей модернизацией общего образования. При этом, как правило, под общим образованием понимается среднее (школьное) образование, но общего образования такого уровня уже не достаточно, чтобы разобраться в реалиях общества информационного. Кризис предметности образования, его целей и установок, фиксируемый на уровне дидактики, требует перехода к другим единицам содержания образовательного процесса: в современных условиях необходимо обучать методами, подходам, способам, парадигмам. Но как никакие новые методы обучения не могут быть реализованы на старом содержании учебного материала, так и никакое новое содержание учебного материала не сможет эффективно пройти через старый образовательный канал, не соответствующий современной культуре.

Все это дало основание считать, что кризис образования носит системный характер. И поэтому, как повсеместно отмечается в литературе, проводимая не только у нас в стране модернизация образования направлена на изменение системной природы образовательной системы. Но, как известно, система – это объект, организованный с учетом целостности взаимосвязанных между собой элементов. Таким образом, системная природа объекта задается его элементами и структурой – схемой связи между этими элементами. Поэтому возникает естественный вопрос: что именно подлежит замене или трансформации? Какие именно элементы системы: ее структура или то и другое одновременно?

Когда проблемы не могут быть разрешены старыми методами или изучаемый объект обладает такой природой, к которой старые методы неприменимы, тогда условием решения задачи становится создание новых средств и методов. Отличительная особенность современной методологии заключается во введении принципиально новых понятийных образований, одним из которых является понятие социального *куматоида* – понятие, задающее особую онтологию при понимании социальных явлений и ориентирующее на выявление социальных программ, их взаимосвязей и способов существования; это понятие предложено М. А. Розовым [6].

Понятие «куматоид» (от греч. *kita* – волна) означает определенного рода плавающий объект. Оно отражает системное качество объектов и характеризуется тем, что такой объект может появляться, образовываться, а может исчезать, распадаться. По Розову, социальные куматоиды – это объекты, представляющие собой реализацию некоторой программы человеческого поведения на постоянно сменяющемся друг друга человеческом и предметном материале. Основная особенность всех объектов этого типа заключается в том, что они распространяются в некоторой социальной среде, приводя все новые и новые элементы среды в определенное движение, именуемое человеческой деятельностью или человеческим поведением. Описывая поведение одиночной волны, бегущей по поверхности водоема, М. А. Розов отмечает, что этой способностью постоянного самообновления и относительного безразличия к материалу обладают социальные явления в очень широком диапазоне. Тем самым основными характеристиками социальных куматоидов становятся относительное безразличие к материалу и наличие определенных инвариантов.

М. А. Розов считает, что исходный, базовый механизм существования социальных программ, к которым относится и институт образования, – это воспроизведение тех или иных форм поведения или деятельности по непосредственным образцам, которые он называет социальными эстафетами. Другими словами, куматоид, обнаруживаемый Розовым практически во всех областях социальной практики, объясняется с позиций сложных систем, в которых идет обмен элементами, а структура способствует самосохранению системы. В этом случае отличие понятия «куматоид» от понятия «структура» будет выражаться характером введения понятия программы, то есть операциональным подходом, в то время как «структура» является организационной характеристикой.

Социальный процесс как постоянный перенос и смена человеческих качеств при сохранении живой деятельности людей, эти качества реализующей, не может не отразиться на динамике института образования. Развитие образования следует рассматривать как его расширение, как охват обучением все большего числа людей. При этом поэтапные диахронические изменения в данном институте помогают обнаружить определенные инварианты, позволяющие рассматривать образование в качестве такового на протяжении всего исторического периода, в течение которого существует человек. Это, прежде всего, особая, социально и личностно детерминированная деятельность по приобщению человеческих существ к жизни общества. Во-вторых, это следующие структурные элементы системы образования:

- учащиеся (ученики, воспитуемые, воспитанники);
- преподавательский состав (преподаватели, учителя, воспитатели и вообще лица, ответственные за образовательный процесс);
- специальные образовательные или иные учреждения, в которых осуществляется педагогический процесс;
- знания (информация, система аксиологических оценок, нравственных категорий, моральных норм и т. д.).

Относительное безразличие к материалу и наличие определенных инвариантов позволяют считать, что образование также является социальным куматоидом.

Основная часть населения ориентируется на стереотипы поведения и деятельности по общепринятым нормам. В связи с переходом в экономике к нематериальному производству, то есть к производству услуг, в XX в. началась массовизация процессов, связанных с таким переходом. В конечном счете, к формированию массовой культуры привели научно-технический прогресс и активное развитие средств массовой коммуникации. Ориентированная на ценности и нормы преобладающего большинства, массовая культура является связующим звеном между стабильным и изменяющимся началами. Одновременно массовая культура означает универсализацию и институционализацию транслируемого социального опыта, ценностных ориентаций, норм поведения. На пороге XXI в. массовая культура приобретает признаки программы человеческого поведения на постоянно сменяющемся друг друга человеческом и предметном материале. Другими словами, в проявлениях массовой культуры усматривается эстафетная структура [7].

Массовое искусство предназначено для массовых продаж. Поэтому в каждом его продукте можно найти встроенную в него рекламу, с помощью которой эксплицируются образцы деятельности или поведения. Воспроизведение массовой культурой человеческого поведения по непосредственным образцам, экспликация таких образцов с помощью встроенной в продукт массовой культуры рекламы, – все это непосредственно обуславливает новый социальный куматоид, каковым является массовая культура.

Взаимодействие канала образования и культуры в информационном обществе есть взаимодействие трех социальных куматоидов: образования, массовой культуры и науки. И поскольку куматоид предполагает обмен элементами, необходимо определить, о каких элементах в этом случае идет речь?

Как уже указывалось выше, в современных условиях нарушился исторически сложившийся механизм трансляции культурных ценностей. Современная массовая культура не знает традиций, не имеет национальности, ее вкусы и идеалы меняются с головокружительной быстротой в соответствии с потребностями моды. Некоторые считают массовую культуру извечным побочным продуктом культуры, и поэтому обнаруживают ее уже в античную эпоху. Гораздо больше оснований имеют попытки связать возникновение массовой культуры с научно-технической революцией, породившей новые способы производства, распространения и потребления культуры, поскольку массовая культура представляет собой специфическую индустрию, производящую «массового» человека, заимствующего «свои» мысли из радио- и телепередач, газет и рекламы и превращающегося в простого исполнителя заданных ролей. В контексте взаимодействия образования и культуры это означает следующее: какие культурные инварианты необходимо транслировать через систему образования и нужно ли это делать?

Условия, в которых развивается современный человек и все человечество, принципиально отличаются от тех, которые были в прошлом. Традиционно аксиологические оценки строятся на основе оппозиции «хорошо – плохо». Но в современных условиях оценка осуществляется в определенном интервале значений. Даже такой нравственный императив, как «не

убей», уже не является абсолютным; запретительные меры нравственно-го или религиозного характера перестают срабатывать.

Как указывалось, сущность социального куматоида составляет воспроизведение поведения человека по непосредственным образцам. Это обстоятельство приводит к появлению проблемы носителя или создателя такого образца и, в конечном итоге, – носителя или создателя эталонного образца, если таковой обнаруживается.

В настоящее время выделяются две особые категории сознания: сознание повседневное и сознание элитарное. Е. Золотухина-Аболина характеризует их как достаточно размытые, но вместе с тем реальные образования [2]. Элитарное сознание, являясь особым видом сознания, представляет собой некую духовную лабораторию человечества. Элитарное сознание всегда выступало как специализированное групповое сознание так называемых творцов высокой культуры, чье внимание было сконцентрировано на функционировании и разворачивании духовной жизни как таковой. Прерогативой элиты всегда была относительно свободная игра мнений, представлений, суждений. В течение долгого времени, вплоть до середины XX в., повседневное и элитарное сознание функционировало в определенном, исторически сложившемся режиме. Но в XX столетии этот механизм разрушился. В условиях современной массовой культуры роль элитарного сознания стала двоякой: одни его носители считают себя ответственными за формирование общественных идеалов и нравственных ценностей, передаваемых в систему образования для последующей их трансляции. Другие же, отстаивая свое право на свободное творчество, руководствуются моральным релятивизмом и, широко используя технические возможности современных СМИ, порождают активный процесс мифологизации индивидуального сознания, не задумываясь о социальных последствиях этого процесса.

Современная индустриальная культура создает широкие возможности для манипуляций сознанием, при которых человек теряет способность рационально осмысливать бытие. Человек, усложняя свой мир, все чаще вызывает к жизни такие силы, которые он уже не контролирует. Чем больше он преобразует мир, тем в большей мере порождает непредвиденные социальные факторы, которые начинают формировать структуры, радикально меняющие человеческую жизнь. При этом и манипулируемые, и сами манипуляторы становятся заложниками массовой культуры.

Повседневное сознание индивида никогда не являлось объектом педагогических исследований. В разные времена и эпохи повседневное сознание наполняется разными смыслами, но его структуры одинаковы для всех времен. Индивидуальную картину мира следует считать одной из них. В ходе исторического развития складываются основные каналы, формирующие, закрепляющие и транслирующие картину мира: мифология, религия, философия, наука, образование. В различные исторические эпохи для разных цивилизаций и культур, а также для разных социальных групп тот или иной канал становился главным, основным. Например, в годы советской власти у нас в стране таким каналом оставалась советская средняя школа, для которой одним из основополагающих принципов обучения был принцип научности.

В жизни современного общества значительную роль играют средства массовой информации, которые способны не только формировать и транслировать, но и модифицировать картину мира. Ныне наиболее активно действуют следующие каналы, формирующие, закрепляющие и транслирующие индивидуальную картину мира: религия, информационные технологии, кинематографическое искусство, современное телевидение. Это означает, что в современных условиях образование перестает быть основным каналом, формирующим, закрепляющим и транслирующим такую картину.

Технологический прогресс XX в., приведший в развитых странах Запада и Востока к новому качеству жизни, основан на применении научных достижений. Наука не только революционизирует сферу производства, но и оказывает влияние на многие другие сферы человеческой деятельности, начиная регулировать их, перестраивая их средства и методы. Латинское слово «*scientia*», в переводе означающее «знание», с определенного времени стало обозначать науку и в этом значении вошло в некоторые европейские языки. Ведущей тенденцией в науке вплоть до XIX в. была специализация, происходившая в форме изоляции, отделения наук друг от друга и приводящая к их дифференциации. Процесс дифференциации научного знания привел к тому, что в настоящее время насчитывается более 15 тыс. научных дисциплин [1, с. 26]. Дисциплинарный подход грозит превратить единую науку в совокупность обособленных, изолированных, узких областей исследования. Однако сама наука выработала средства и методы для преодоления ограниченности чисто дисциплинарного подхода к изучению мира. Этот подход, направленный на преодоление дисциплинарной раздробленности наук, принято называть интегративным.

Первые признаки процесса интеграции наук наблюдались в конце XIX в. В настоящее время усиливаются процессы взаимодействия принципов и представлений картин действительности, формирующихся в различных науках. Все чаще изменения этих картин проходят путем «парадигмальной прививки» идей, транслируемых из других наук. В этом процессе постепенно стираются жесткие разграничительные линии между разными науками. Они становятся взаимозависимыми и предстают в качестве фрагментов целостной общенаучной картины мира.

Переход от классического к неклассическому естествознанию был подготовлен в европейской культуре второй половины XIX – начала XX вв. кризисом мировоззренческих установок классического рационализма, формированием в различных сферах духовной культуры нового понимания рациональности. Сознание, постигающее действительность, постоянно наталкивается на ситуации своей погруженности в саму эту действительность, ощущая свою зависимость от социальных обстоятельств, которые во многом определяют установки познания, его ценностные и целевые ориентации. Например, изучение «человекообразных» объектов непосредственно затрагивает гуманистические ценности. В этой связи Г. С. Кнабе отмечает, что «задача, в качестве основной вставшая сегодня, соотносительна с также сегодня обнаруживающимся содержанием обоих связавшихся в ней понятий – жизни и познания. Сам характер их связи также обусловлен происходящей на наших глазах научной революцией, обусловлен тем, что общественно-историческая жизнь в растущей мере

входит сегодня в поле гуманитарного познания во все более конкретных, частных, беглых, эмоционально окрашенных и трудноуловимых проявлениях, и это ставит перед наукой новые задачи, порождает новые ее направления» [3, с. 117]. Им же формулируется апория современного гуманитарного познания – «невозможность последовательно научно исследовать неуловимое течение исторической жизни, текучую многозначность духовного бытия, и необходимость это делать» [3, с. 123].

Изменение типа научной рациональности, активное воздействие современных средств массовой информации и массовой коммуникации на формирование структур повседневного сознания, страх перед прогрессом, наращивающим темпы своего развития, мрачные прогнозы развития человечества не только породили в обществе антисциентистские настроения, но и способствовали отрыву общего образования от массового сознания и «разрывам» в индивидуальной картине мира рядовых граждан.

Пространство образования, построенное для передачи специализированного и иерархизированного знания, не справляется со своей задачей. Объем знания в культуре не только значительно превысил возможности передачи его через канал образования. Сокращение сроков удвоения научной информации, быстрое обновление технологий в производстве приводят к тому, что школа как средняя, так и высшая не может угнаться за развитием науки и практики. В конечном итоге это привело к тому, что в массовом сознании категория «знание» заменяется категорией «информация», методы анализа которой являются одновременно и предпосылкой, и продуктом, и залогом успеха.

Замена знания информацией, в свою очередь, приводит к появлению условий неопределенности и замене правил вывода: дедуктивные методы все чаще заменяются индуктивными. При этом существенно повышается роль оценки степени доверия к информации. Т. Г. Лешкевич отмечает, что в быту и на практике широко используется «заключение к наилучшему объяснению фактов» [5]. Умозаключение данного типа от эмпирических фактов к объясняющей их гипотезе названо абдукцией. Например, врач по симптомам болезни определяет его причину, детектив по оставшимся следам преступления ищет преступника. Аналогично поступает и ученый, пытаясь отыскать наиболее удачное объяснение происходящему.

Таким образом, несмотря на различия в характере введения социальных программ, между социальными куматоидами, каковыми являются образование, наука и массовая культура, наблюдается активный обмен следующими элементами:

- человеком (учащимся, если речь идет о куматоиде образования);
- информацией;
- носителем информации;
- передатчиком (преобразователем) информации.

Такой обмен обеспечивает функционирование канала образования в культуре информационного общества. А это непосредственно означает, что элементы системы образования не только подвергаются трансформации, но и полной замене. Соответствующим трансформациям подвергается и деятельность, входящая в состав непосредственных образцов, ибо

социальные эстафеты, связующие эти элементы, действуют в ситуациях выбора, содержащих условия неопределенности. И теперь уже инвариантный характер носит деятельность по оценке условий неопределенности и степени доверия к информации, а не дедуктивные схемы и правила вывода.

Рост объема информации, постоянный процесс удвоения знаний детерминируют, с одной стороны, девальвацию общего образования, с другой – стремительное нарастание потребности в качественном общем образовании, что, в свою очередь, приводит к усилению тенденции фундаментализации образования. Но при этом не следует забывать, что в русском языке термин «фундаментальный» имеет несколько смысловых значений. В нашем контексте принципиальное значение имеют два значения этого термина: «основательный, глубокий» и «основной, главный». На практике это означает, что при формировании содержания общего образования нельзя пренебрегать ни естественнонаучной, ни гуманитарной отраслями научного знания, поскольку обе отрасли лежат в основе индивидуальной картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горелов А. А. Концепции современного естествознания. – М. : Центр, 1997. – 208 с.
2. Золотухина-Аболина Е. Постмодернизм = распад сознания? // Общественные науки и современность. – 1997. – № 4. – С. 185–192.
3. Кнабе Г. С. Строгость науки и безбрежность жизни // Вопр. философии. – 2001. – № 8. – С. 113–124.
4. Конев В. А. Человек в мире культуры (Культура, человек, образование) : пособие по спецкурсу. – Самара : Изд-во Самар. гос. ун-та, 2000. – 109 с.
5. Лешкевич Т. Г. Философия науки : традиции и новации : учеб. пособие. – М. : ПРИОР, 2001. – 428 с.
6. Розов М. А. Феномен социальных эстафет : сб. статей. – Смоленск : СГПУ, 2003. – 93 с.
7. Арташкина Т. А. Социокультурная размерность образования // Философия образования. – 2006. – № 2 (16) 2006. – С. 22–27.

УДК 13 + 37.0 + 316.7

ФИЛОСОФСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

И. А. Грешилова (Чита)

В статье рассматривается феномен образования как одного из сложных институтов социализации, через который общество обеспечивает свое развитие. Акцентируется внимание на роли философии в процессе

Грешилова Ирина Александровна – кандидат философских наук, проректор по научно-методической работе Забайкальского краевого института повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования.
672000, г. Чита, ул. Фрунзе, д. 1.
E-mail: IAGreshilova@yandex.ru